

Андрей Белый

Гоголь

Андрей Белый Гоголь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132505

Аннотация

«Самая родная, нам близкая, очаровывающая душу и все же далекая, все еще не ясная для нас песня – песня Гоголя. И самый страшный, за сердце хватающий смех, звучащий, будто смех с погоста, и все же тревожащий нас, будто и мы мертвецы, – смех мертвеца, смех Гоголя!..»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Андрей Белый Гоголь

I

Самая родная, нам близкая, очаровывающая душу и все же далекая, все еще не ясная для нас песня – песня Гоголя.

И самый страшный, за сердце хватающий смех, звучащий, будто смех с погоста, и все же тревожащий нас, будто и мы мертвецы, – смех мертвеца, смех Гоголя!

«Затянутая вдали песня, пропадающий далече колокольный звон... горизонт без конца... Русь, Русь!» (Мертвые души) и тут же, строкой выше – в *«полях неоглядных» «солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью „такой-то артиллерийской батарее“*» (Мертвые души). Два зренья, две мысли; но и два творческих желания; и вот одно: *«Облечь ее в месячную чудную ночь и ее серебряное сияние, и в теплое роскошное дыхание юга. Облить ее сверкающим потоком солнечных ярких лучей, и да исполнится она нестерпимого блеска»* (Размышление «pro domo sua»¹ по поводу ненаписанной драмы). А другое желание заключалось в том, чтобы «дернуть» эдак многотомную историю Малороссии без всяких данных на это.

¹ «pro domo sua» (латин.) – по поводу себя, для себя, в свою пользу.

«Глаза... с пением вторгавшиеся в душу» (Вий). Всадник, «отдающийся» (вместо отражающийся) в водах (Страшная месть). «Полночное сиянье... дымилось по земле» (Вий). «Рубины уст... прикипали... к сердцу» (Вий). «Блистательная песня соловья» (Майская ночь). «Волосы, будто светло-серый туман» (Страшная месть). «Дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку» (Страшная месть). «Из глаз вытягиваются клещи» (Страшная месть). «Девушки... в белых, как убранный ландышами луг, рубашках» и с телами, «сваянными из облаков», так что тела просвечивали месяцем (Майская ночь). Быть может, чрез миг ландышевая белизна их рубашек станет стеклянной водой, проструится ручьем, а ручей изойдет дымом или оборвется над камнем пылью у Гоголя, как валится у него серой пылью вода (Страшная месть), чтобы потом засеребриться, как волчья шерсть (Страшная месть), или под веслами сверкнуть, «как из-под огнива, огнем» (Страшная месть).

Что за образы? Из каких невозможностей они созданы? Все перемешано в них: цвета, ароматы, звуки. Где есть смелее сравнения, где художественная правда невероятней? Бедные символисты: еще доселе упрекает их критика за «голубые звуки»: но найдите мне у Верлёна, Рембо, Бодлера образы, которые были бы столь невероятны по своей смелости, как у Гоголя. Нет, вы не найдете их: а между тем Гоголя читают и не видят, не видят доселе, что нет в словаре у нас слова, чтобы назвать Гоголя; нет у нас способов измерить все

возможности, им исчерпанные: мы еще не знаем, что такое Гоголь; и хотя не видим мы его подлинного, все же творчество Гоголя, хотя и суженное нашей убогой восприимчивостью, ближе нам всех писателей русских XIX столетия.

Что за слог!

Глаза у него с пением вторгаются в душу, а то вытягиваются клещами, волосы развеваются в бледно-серый туман, вода – в серую пыль; а то вода становится стеклянной рубашкой, отороченной волчьей шерстью – сиянием. На каждой странице, почти в каждой фразе переходение границ того, что есть какой-то новый мир, вырастающий из души в «океанах благоуханий» (Майская ночь), в «потопах радости и света» (Вий), в «вихре веселья» (Вий). Из этих вихрей, потоков и океанов, когда деревья; шепчут свою «пьяную молвь» (Пропавшая грамота), когда в экстазе человек. Как и птица, летит... «и казалось... вылетит из мира») (Страшная месть), рождались песни Гоголя; тогда хотелось ему песню свою «облечь... в месячную чудную ночь... и облить ее сверкающим потоком солнечных ярких лучей, и да исполнится она нестерпимого блеска.» (из «Набросков» Гоголя). И Гоголь начинал свое мироздание: в глубине души его – рождалось новое пространство, какого не знаем мы; в потоках блаженства, в вихрях чувств извергалась лава творчества, застывая «высоковерхими» горами, зацветая лесами, лугами, сверкая прудами: и те горы – не горы: «не задорное ли море выбежало из берегов, вскинуло вихрем безобразные

волны, и они, окаменев, остались неподвижными в воздухе» (Страшная месть). *«Те леса – не леса... волосы, поросшие на косматой голове деда»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.